

«ИСКУССТВО,

«Творчеству Козловского присущи эмоциональная теплота, искренность, он превосходно владеет техникой, с большим вниманием относится к слову, его исполнение отличается тонкой филигранной фразировкой».

Театральная энциклопедия.

Иван Семенович Козловский живет на улице Неждановой, «берущей начало» от здания Московской консерватории. Наверное, это самый музыкальный район столицы: десятки афиш приглашают на концерты И. Архиповой, ансамбль Ю. Реентовича, Э. Гилельса, на остановке — молодежь с зачехленными виолончелями, скрипками, флейтами, нотными папками. У фасада, в сквере консерватории — памятник Чайковскому. Вечерами, когда мимо консерватории скатывается груз, к Манежу, поток машин, скользящие огни фар создают чудесную иллюзию: фигура сидящего композитора будто обретает жизнь, он слушает доносящуюся из окон музыку, покачивается в такт мелодии...

По улице Герцена возвращалась вечерами из театра Надежда Андреевна Обухова, поворачивала от консерватории вправо, в узенькую, тихую улицу Неждановой, входила в подъезд дома № 7. Она была соседкой Ивана Семеновича Козловского, добрым другом, любимым постом. И во многом — учите-

лем, авторитетом, примером высшего, честнейшего отношения артиста к искусству...

Иван Семенович сидит напротив меня, облокотившись на повернутый к нему спинкой стул: поза легкого на подъем, бодрого, подвижного человека. Немного странно в гостиной никаких кресел, диванов, такой привычной для современной квартиры мебели — большой стол и стулья составляют весь интерьер почти аскетически чистой комнаты. На стене афиши последних концертов Козловского: романсы, арии из опер любимого Вагнера. И фотография самого Ивана Семеновича, который кормит кашей сидящую на коленях внучку.

— Не забудьте еще про розы написать: мы разговаривали, а они пахли, — перехватывает мой взгляд Иван Семенович. — Вы ведь уже взяли на заметочку?

Он улыбается.

Что ж, розы действительно можно было бы взять «на заметочку». И корзинки с цветами, и букеты в вазах у зеркала — поклонников таланта Козловского великое множество. Люди бережно

хранят в памяти вечер, когда им посчастливилось услышать певца в «Снегурочке», в «Лоэнгрине», в «Борисе Годунове». Люди шли в оперу «на Козловского», его искусство исполнено той «волшебной силы», которая поднимала слушающего человека над суетой будней, оно дарило мгновения светлого и высокого восторга. Даже те, кто шел в театр только для того, чтобы воочию увидеть живую знаменитость с мировым именем, испытывали на себе эту волшебную силу, голос певца многим помог приобщиться к незнакомому доселе, не понятому сердцем чуду гармонии...

— Иван Семенович, — спрашиваю я, — скажите, что же сами вы чувствуете, когда поете? Мы, слушая, улыбаемся или задумываемся, ощущаем душевную боль, печаль или радость. А вы? Нельзя же петь и думать только о технике исполнения — как, где вступить, где спетьтище, где громче. Наверное, это особое состояние, душевный подъем, волнение...

— Важно не то, что я сам вижу лужайку или горы, важно, что чувствует, видит и дорисовывает слушатель. Мне думается, лучшая награда для исполнителя —

почувствовать, что заставил в тысячной аудитории каждого по-своему сердцем и умом отозваться на то, о чем поешь. Вызвать эмоции — в этом суть, в этом задача композитора и певца...

— И задача, конечно же, трудная чрезвычайно. Ведь это, в сущности, о пропаганде искусства, о приобщении людей к нему. Попробуйте, заставьте сердце абсолютно далекого от искусства человека, который и в театре-то бывает один-два раза в год, забыться в унисон с сердцем вашего героя, жившего полтора века назад...

— Еще Белинский говорил: исполнитель является соавтором композитора. Долг артиста приобщиться к той отдаленной эпохе, вслушаться в неведомое, в котором пока еще видишь только маленькие проблески, нити, связавшие время былое и время нынешнее, увидеть то, что запечатлено в памяти людской, будет представлять ценность для поколения сегодняшнего дня.

Что касается людей, которые ходят в театр два раза в год. Они обкрадывают себя!

Иван Семенович о таких людях самого категорического мнения. Как это можно — жить забыв о том, что существует мучай

Вагнер, чарующий Моцарт, Чайковский, к которому и эпитет-то трудно подобрать, так он всеобъемлющ и глубок. Он не верит — нет таких людей, которые не поняли бы «Сомнение» Глинки, остались равнодушными. «Язык искусства велик и доступен!» — такое глубокое убеждение Ивана Семеновича Козловского.

— Есть геологи, которые уходят на изыскания на полгода, лесорубы, чьи поселки расположены так далеко от театральных городов...

— Вчера мои добрые друзья пригласили меня поехать на час-два за город. Когда возвращались, хозяин машины предложил прослушать его песню в исполнении одной известной певицы. Мы слушали сочинение в дороге, песня была записана на магнитофон. Правда, любая запись — это не живое исполнение, во веки веков остается здесь разрыв. Но — любой человек может иметь такой маленький звукоизвлекающий прибор. Уверен, что всякий нормальный человек, прослушав где-нибудь в лесу вступление к «Онегину», не сможет после этого сломать дерево, испортить неописуемую красоту, родившуюся в природе. Настоящая музыка всегда находит путь к сердцу человека, оставляя

13 АПР 1974

на смену
Г. Свердловск

ВЕЛИКОЕ И ДОСТУПНОЕ...

Вечерний разговор

ет в нем глубокий след. Кстати, в этом ее отличие от всех тех легковесных песенок-бодречек, которые живут один день.

Исполнение Козловским некоторых романсов, оперных партий, считается эталоном. Это — не только о красоте голоса, его диапазоне, но и об актерской игре, вспомним хотя бы Юродивого в «Борисе Годунове». Певец получил за эту роль Государственную премию. Умение создать зачарованный, логичный, волнующий образ в полной мере присуще Ивану Семеновичу Козловскому. А ведь есть певцы, которые главным считают лишь верное исполнение партии, и спектакль не получается, он «рассыпается». И в этой связи Иван Семенович вспоминает Надежду Андреевну Обухову — актрису, наделенную удивительно гармоничным талантом:

— Критики определяли ее — «оперная артистка». И какое это правильное, емкое и абсолютно верное определение. Вот совсем недавно передавали романс Глинки на стихи Баратынского «Не искушай». Пела Обухова. Это возобновило в памяти ее исполнение — в домашнем кругу и на сцене. Это была глубина и страсть — а она стояла неподвижно, опустив руки, го-

лос лился ровно, без всевозможных украшательств, без выгодных демонстраций: «есть у меня и низа и верх». Она одним только звуком, глубоким и чистым, сказала все.

Иван Семенович говорит о скромности актера. О том, что он должен проникнуться замыслом автора, стать его выразителем.

— Скажите, Иван Семенович, а как сами вы готовились к исполнению роли? Что помогало вам в этом, какова для интуитивного в вашем исполнении?

— Многие впечатления откладывались в памяти и душе, будили фантазию. Интуиция, я уверен, главное в любом творчестве: алгеброй нельзя постичь гармонии. Интуиция дает импульсы для создания образа. Все остальное — это труд самопроверка, проверка на зрителе. Ясно, что труд этот невидим слушателю, это правило чутут все исполнители.

Когда готовился петь Юродивого, ходил в Третьяковку ежедневно и часами простоял у суриновской «Боярыни Морозовой». Это было лет сорок назад. Каждый по-своему воспринимает живопись, это естественно. Для меня каждая картина «звучит».

Иван Семенович замолкает на минуту, вспоминая

то время поисков решения образа, потрясшего потом всех, кто видел Козловского в «Борисе Годунове». Я жду продолжения мысли, воспоминания. Узнать, как внешние впечатления осмысливаются художником, дают ему пищу для формирования совершенно нового, неоткрытое еще — это не просто любопытство, может быть, это чуточка наивное, но такое понятное желание хоть немного проследить, как рождается в искусстве неповторимое. Но он говорит замеччиво:

— Суриков почти закончил картину. Нашел все — и только след от полозьев у него долго не получался... И вдруг после многих трудов и попыток — затрепетал, ожили и вот пахнет теперь холодным воздухом, ледяной водой... В искусстве многое необъяснимого...

И я понимаю: вот так же, как след от полозьев у Сурикова, появился и Юродивый Козловского. Но только как результат многодневных раздумий и логических решений. И из этого «необъяснимого» тоже, потому что, как бы ни старался — не объяснишь, не вычислишь творчество: «алгеброй нельзя постичь гармонии». Как нельзя объяснить словами любовь, или красоту, или чувство материнской нежности.

Юродивого вы пели в нашем, Свердловском оперном, в юбилейном спектакле, когда мы праздновали 50-летие театра. Значит, считаете себя в какой-то мере причастным к нашей опере, верно?

— Помню, на одном подоконнике нижнего этажа театра было вырезано когда-то «КИС» — мои инициалы... В последний приезд — очень неловко было — но ходил и искал эту надпись...

Я начинал свою певческую жизнь на сцене Свердловского оперного, почти пятьдесят лет назад. К нему и отношение особое. Все было ново, все постиглось заново тогда, на все мы смотрели расширенными, удивленными и молодыми глазами.

Давали оперу «Иван Сусанин», которую называли тогда «Серп и молот». Герой ходил в кожанке, был партизаном. Но это все издержки того яркого, удивительного времени.

Репертуар был разнообразнейший. И главное состав интересный — Бокова, Мухтарова, Баратов, Альтшuler, который учился вместе с Собиновым. Очень много пользы принес театрту Владимиру Аполовичу Лосскому. О Свердловске тогда времени много могу го-

ворить. И теперь храню некоторые письма, смотрю спектакли по телевидению, поддерживаю старые связи.

— Это был счастливый год для вас? Вы много пели, хотя и были «начинающим».

— Яркий год. Например, и такой эпизод был. Готовили постановку «Лоэнгрин» Вагнера, в которой одну и ту же партию должны были петь артист Аграновский и я. На премьере спел Аграновский. На другой день в одной из выходивших тогда газет появилась рецензия: «Аграновский не может петь в «Лоэнгрине». Как можно было этому маленькому, плотному, некрасивому человеку доверить, такую партию?» А еще в этой рецензии было про меня: «Мы еще не видели Козловского, но вряд ли он будет лучше». Аграновский написал ответ в стенной театральной газетке «Эхо» — была такая тогда: «Все претензии по моему внешнему виду предъявляйте моей машине»...

— Так что и обижали меня в Свердловске, — смеется Иван Семенович. — А год был счастливый, конечно, это была молодость! Я с удовольствием вспоминаю сегодня то время. Но, — говорится он серьезно, — человек не должен жить

воспоминаниями, забывать о сегодняшнем дне.

И день сегодняшний в этот самый момент напомнил о себе. Точнее, сам Иван Семенович, взглянув на часы, напоминает своему секретарю и другу Нине Федосьевне: надо срочно звонить в консерваторию, там ждут. К слову сказать, дел этих у него, по всей видимости, много. Пока мы разговаривали, пришла юная особы, отрекомендовавшаяся знакомой киевской знакомой по театру Ивана Семеновича — и ее радушно приняли. Молодой композитор, навестивший Козловского в это же время, получил несколько советов, в которых нуждался. А вчера на моем месте сидел корреспондент одной из московских газет — об этом визите Иван Семенович обмолвился, когда шутливо напомнил мне про розы: «Тот товарищ их сразу себе в книжечку записал».

Наверное, я отняла у Ивана Семеновича непростительно много времени, думаю я, прощаясь, благодаря. Я знаю, что сейчас он пишет большую исследовательскую работу о творчестве Глинки. Дни заполнены, они полноценно и по-прежнему приносят ему радость творчества.

О. БОГУСЛАВСКАЯ